

УДК 904(477.75)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-614-626

Правитель княжества Феодоро Исаак (1465–1475 гг.): штрихи к историческому портрету

Мыц В.Л.

Государственный Эрмитаж, Россия, 197183,
г. Санкт-Петербург, ул. Заусадебная, 37
E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Аннотация. Среди известных правителей города и княжества Феодоро, располагавшегося в XV в. в Горном Крыму (Алексей, Иоанн, Олобо, Кейхиби, Александр), особое место занимает Исаак (1465–1475 гг.). Заняв престол в 1465 г., он принципиально изменил вектор внешней политики Феодоро, установив добрососедские отношения с Генуей. В 1469 г. он лично побывал в генуэзской Каффе и подписал с Лигурией мирный договор. Широкие дипломатические связи дали ему возможность установить тесные отношения с Молдавией и Московским княжеством. В 1472 г. Исаак выдаёт замуж за Стефана III Марию Асанину Палеологиню. В 1474 г. начинает переговоры с Иваном III о замужестве своей дочери. Стремясь избежать военного столкновения с османами, Исаак, вслед за генуэзцами, признаёт суверенитет Мехмеда II и начинает выплачивать ему дань. Однако стремление к сближению с Турцией привело к разрыву в 1474 г. с господарем Молдавии, а в 1475 г. к его внезапной кончине, что, по-видимому, стало результатом придворного заговора.

Ключевые слова: князь Феодоро Исаак, Генуя, Каффа, султан Мехмед II, господарь Стефан III, князь Иоанн III.

Для цитирования: Мыц В.Л. 2021. Правитель княжества Феодоро Исаак (1465–1475 гг.): штрихи к историческому портрету. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 614–626. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-614-626.

Ruler of Theodoro principality Isaac (1465–1475): few details to complete the historical picture

Viktor L. Mytz

The State Hermitage,
37 Zausadebnaya St., Saint-Petersburg, 197183, Russia
E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Abstract. Among the famous rulers of the city and the principality of Theodoro, located in the XV century in the Mountainous Crimea (Alexios, John, Olubei, Keikhibi, Alexander), Isaac (1465–1475) holds a unique position. After taking the throne in 1465, he fundamentally changed the direction of Theodoro's foreign policy, establishing good-neighborly relations with Genoa. In 1469 he personally visited the Genoese Kaffa and signed a peace treaty with Liguria. Wide diplomatic ties made it possible to establish close relations with Moldavia and the Moscow principality. In 1472 Isaac gives Maria Asanina Palaiologina in marriage to Stephen III. In 1474 he started negotiations with Ivan III on the marriage of his daughter. In an effort to avoid a military clash with the Ottomans, Isaac, following the Genoese, recognized the sovereignty of Mehmed II and started to pay a tribute to him. However, the desire for rapprochement with Turkey led to a break in 1474 with the ruler of Moldavia, and in 1475 to his sudden death, which, apparently, was a result of a court conspiracy.

Key words: Prince Isaac of Theodoro, Genoa, Kaffa, Sultan Mehmed II, ruler Stephen III, prince John III.

For citation: Mytz V.L. 2021. Ruler of Theodoro principality Isaac (1465–1475): few details to complete the historical picture. *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 614–626 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-614-626.

Введение

Феодоро как государственное образование располагалось на юго-западной части территории Горного Крыма (поздневизантийской Готии). Ещё при жизни Алексея I (1411–1446) земли княжества были поделены на уделы [Герцен 1990, с. 148; Виноградов, 2005, с. 431–437]¹²⁸ между его сыновьями. Находки эпитафических памятников 2-й пол. XV в. (от Херсонеса на западе до Фуны на востоке) позволяют высказать предположение, что в конце 40-х – 50-е гг. XV в. западной частью Феодоро владел Исаак и ещё двое (?) представителей рода, а восточной – Алексей II (Младший), Бердибек и Александр. Вероятно, все эти князья являлись сыновьями или внуками (?) Алексея I (Старшего) [Мыц, 2009, с. 401].

Результаты и их обсуждение

Наибольшую известность, благодаря доступным источникам 2-й пол. XV в., получили Олобей, Исаак и Александр. Последний, по-видимому, являлся младшим представителем правящей в Феодоро династии. Об остальных до нас дошли ещё более фрагментарные сведения. Например, Бердибеку принадлежала Алушта с 10 окрестными селениями. В начале 1460 г. этими территориями уже владел один из его сыновей – Дербиберди. Алексею II и Александру принадлежало большое селение Фуна, рядом с которым в 1459 г. был заново отстроен хорошо укрепленный замок [Мыц, 1988, с. 97–115; Виноградов, Мыц, 2005, с. 273–281]. Надо полагать, что все члены рода проживали в своих укрепленных резиденциях, разместившихся на территории Юго-Западного Крыма и Южнобережье: в Херсоне, Каламите, Чоргуне, Исарджикларе, Черкес-Кермене, Сандык-Кая, Керменчике, Мангупе, Фуне, Алуште. Таким образом, к настоящему времени нам известно десять укрепленных резиденций владетелей Феодоро XV в.¹²⁹

После смерти в 1446 г. Алексея I правителем Феодоро становится его средний сын – Олобо (Олобей)¹³⁰. При этом, как свидетельствуют генуэзские источники, он вынужден был делить власть со «своими братьями». Тем не менее латинские документы отмечают главенство Олобо до 1458 г., после чего его, вероятно, сменил Кейхиби (?) [Assini,

¹²⁸ В 2004 г. А.Ю. Виноградовым опубликовано надгробие, найденное в 1937 г. на восточном краю плато Эски-Кермена «вблизи восточной калитки». По палеографии памятник предположительно датирован XIV–XV вв. Текст надписи гласит: «Почил во блаженной [памяти] раб Божий Ла...ули-бей, первого разряда третьей части, 17 (?) мая, в пятницу...». Это дало издателю повод высказать предположение, что «Княжество Феодоро, состоявшее из разделённых горами долин, территориально подразделялось на округа – «части» (как минимум 11), причём номер эски-керменской части – 3 – хорошо понятен, если отчёт вёлся от центра княжества, т. е. от соседнего Мангуп-Кале [Виноградов, 2004, с. 126–128, рис. 67]. Следует заметить, что Эски-Кермен как поздневизантийский город прекратил своё существование в 70–90-х гг. XIII в. До сих пор раскопками на нём выявлены только локальные (в виде часовни и некрополя) следы жизни XIV в. В XV в. рядом с Эски-Керменом существует замок Черкес-Кермен. Поэтому только этот объект можно связывать с историей княжества Феодоро XV в.

¹²⁹ Эпитафические памятники с именами владетелей Феодоро выявлены в ходе раскопок Мангупа, Каламиты, Херсона и Фуны [Виноградов, 2010, с. 217–253; Виноградов, 2017, с. 278–297; Виноградов, 2018, с. 223–232; Виноградов, 2019, с. 75–78 и др.]. Где располагалась резиденция владетелей Алушты (Бердибека и Дербиберди), нам до сих пор неизвестно.

¹³⁰ Право престолонаследия Олобо получил к лету 1434 г., когда Алексей I временно находился в Трапезунде [Мыц, 2009, с. 155].

1999, p. 1–19]. В 1465 г. в качестве правителя Феодоро выступает уже Исаак¹³¹, имя которого в генуэзских источниках писалось как Саикус (Saichus, Saicus). А.А. Васильев полагал, что Исаак был сыном Олобея и начал править сразу же после его смерти в 1458 г. [Vasiliev, 1936, p. 236–237]. Однако это предположение не подтверждается свидетельствами источников: впервые его главенство в Феодоро отмечено в латинских источниках под 1465 г. По-видимому, с утверждением Исаака на престоле Феодоро связана дипломатическая миссия Николо де Торилья, направленного в 1465 г. официальными Каффы «в Теодоро для переговоров с господином Саиком» (*dominum Saicus*) о поставках хлеба в генуэзские фактории [Banescu, 1935, S. 35, n. 1]¹³².

Правление Исаака (1465–1475 гг.) отмечено рядом ярких политических событий, которые относятся в основном к концу 60-х – 1-й пол. 70-х гг. XV в. Судя по всему, этот владетель Феодоро обладал незаурядной дипломатической гибкостью, выразившейся в умении найти оптимальный выход из сложных ситуаций путём принятия нетрадиционных решений. Личные качества позволили Исааку добиться политического признания своего авторитета не только в Газарии, но и далеко за её пределами. Это способствовало установлению дипломатических связей небольшого государства, каковым являлось Феодоро, с влиятельными державами Восточной и Западной Европы.

Приведём несколько примеров. В консулат Джентиле де Камилла (1469–1470 гг.) [Колли, 1918, с. 150], Исаак предпринимает важный дипломатический шаг. Он лично отправляется в Каффу и заключает с официальными фактории договор «о вечном мире»¹³³. Данный договор, по-видимому, предполагал объединение усилий по защите генуэзских владений в Газарии и Феодоро от постоянно ожидаемого нападения турок. Получив ответственное послание Исаака через прибывшего в Геную экс-консула Джентиле де Камилла, попечители Банка Св. Георгия 26 апреля 1471 г. обращаются к «великолепному и любезному нашему другу Саику, господину Теодоро» (*Magnifico amico nostro carissimo domino Saicho, domino Teodori*), посетившему с дружественным визитом Каффу, что вселяет надежду на самое лучшее – жить вместе в искренней и братской любви и взаимном понимании». При этом они уверяют Исаака в неизменной готовности защищать всеми имеющимися средствами «Ваше великолепие» (*vostra magnificentia*) [Codice diplomato..., 1874, p. 769; Vasiliev, 1936, p. 237, n. 4]. В том же году массарии Каффы фиксируют затраты в 400 аспров на доставку в Каламиту (через Чембало) двух ящиков дротиков (*carpiis duabus veretonorum*) для «господина Саика» [Banescu, 1935, p. 33; Vasiliev, 1936, p. 237, n. 4].

Приведённые данные свидетельствуют об особой доверительности отношений, установившихся между Исааком и генуэзской администрацией фактории. Поэтому протекторы Банка Св. Георгия и в дальнейшем напоминали официалам Каффы избегать

¹³¹ Некоторые исследователи ошибочно относили время восшествия Исаака на трон Феодоро к 1471 г. (см., например, [Năsturel, 1965, p. 264]).

¹³² В том же году консул Каффы Лоренцо ди Кабелла посылает оргузия Вартапета в Чембало, откуда тот прибывает в феодоритский порт Каламиту. Последним пунктом его посещения названа Луста (Алушта) [Banescu, 1935, S. 33, n. 2].

¹³³ Это второй (за 59 лет!) из известных случаев пребывания правителей Феодоро в Каффе. Впервые посещение Алексеем I «из Феодоро» столицы генуэзской Газарии отмечено латинским документом от 17 июня 1411 г. В этот день князь назначил своим генеральным прокуратором православного священника («грека») Алессио Номико «с поручением вести дипломатические переговоры с властями Каффы, нацеленные на то, чтобы положить конец имеющим место противоречиям и заключить новый договор о мирном сосуществовании»¹³³. При этом сам Алексей I находился в Каффе в предоставленной ему генуэзскими официальными резиденции. В качестве свидетелей выдачи документа выступали с генуэзской стороны нотариусы и переводчик, а со стороны Алексея сопровождавшие его греки – династ кир Лео Арапи и священник Николас Сагара. Переговоры продолжались до 8 июля и, очевидно, завершились подписанием удовлетворяющего обе стороны договора. По этому случаю официальными города был подготовлен подарок господину Феодоро Алексею стоимостью в 1 121 аспр. В том же году со специальной миссией в Готии побывал посол Каффы Джорджо Торселло, где встречался с владетелем Феодоро [Ganchou, Minghinis, 2003, p. 117–118; Баллетто, Бассо, 2018, с. 354; № 38, 417–418].

каких-либо раздоров и распрей с «императором татар», «коммуной Монкастро», а также «господином Теодоро (Исааком – В.М.) и его братьями» [Codice diplomat..., 1874, p. 867; Iorga, 1897, p. 50].

В инструкции, выданной 16 июня 1472 г. будущему консулу Каффы Антониотто ди Кабелла (Antoniotto de Cabella), содержится весьма любопытный сюжет, касающийся важности сохранения добрососедских связей с правителями Феодоро: «<...> мы желаем, чтобы вы также [почтительно] относились к господину Теодоро и его братьям. Вы должны добиваться того, чтобы этот господин, вопреки прошлому обыкновению, лично прибыл в Каффу и установил бы истинную дружбу с нами. Мы желаем, чтобы вы не только сохраняли эту дружбу в будущем, но и делали всё для её возрастания; мы надеемся, что и он со своей стороны будет стремиться к этому, потому что взаимное и искреннее благорасположение между ним и [властями] Каффы выгодно для его великолепия не менее, чем для нас» [Codice diplomat..., 1874, p. 868; Vasiliev, 1936, p. 238]. В шифрованной инструкции, предназначенной для консула, провизоров и массариев Каффы, Исаак, в отличие от Олобея, получает кодовое наименование «vigilans» («неутомимый», «деятельный», «бдительный») [Codice diplomat..., 1874, p. 873; Vasiliev, 1936, p. 238].

Чем можно объяснить произошедшие изменения в отношениях Каффы (протекторов Банка Св. Георгия) и Феодоро на рубеже 60–70-х гг. XV в.? Совершенно очевидно, что в основе таких метаморфоз, сопровождавшихся необычайной комплиментарностью в обращении, была общая для всех турецкая опасность¹³⁴. Но для этого были необходимы, по-видимому, и предпосылки внутреннего характера, обусловленные взаимными уступками. Нам неизвестно содержание договорённости, достигнутой между сторонами в 1469/70 г. (?). Тем не менее можно предположить, что в них содержались пункты, касающиеся передачи генуэзцам территории Херсонеса и прекращения крепостного строительства в Каламите, через порт которой феодоритами велась активная торговля.

Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что сравнительно недавно (1455–1465 гг.?) отстроенное в цитадели древнего города укрепление, одним из владельцев которого являлся сам Исаак¹³⁵, уже в 1470 г. названо «необитаемым», и здесь распоряжаются генуэзцы, решающие разрушить его стены, чтобы ими не смогли воспользоваться турки. Несмотря на очевидную стратегическую и торговую значимость для феодоритов порта у крепости Каламита, её новая оборонительная линия, задуманная с широким размахом (о чём недвусмысленно говорит Эвлия Челеби) [Челеби, 2017, с. 72], так и осталась незавершенной к 1475 г., хотя для этого было достаточно убедительных аргументов военно-политического и экономического порядка.

Что реально побудило Исаака пойти на столь существенные уступки, сказать трудно. На этот вопрос можно было бы найти ответ в документах, хранящихся в архивах и содержащих материалы тех лет, если их когда-либо удастся обнаружить. По всей видимости, подобные решения принимались Исааком скорее вынужденно, чем просто из желания угодить генуэзцам, в то время переживающим панический страх перед возможным нападением турок.

При всей внешней видимости установившихся дружественных и доверительных отношений между феодоритами и латинянами те же протекторы Банка Св. Георгия в секретной инструкции от 16 июня 1472 г. Антониотто ди Кабелла указывают, что некоторые жители Каффы (вероятно, служащие административного аппарата),

¹³⁴ О специфике и формировании османо-генуэзских отношений в 1-й пол. XV в. см.: [Вальков, 2010, с. 259–274].

¹³⁵ На это могут указывать две фрагментированные надписи, обнаруженные в конце XVIII–XIX вв. в Херсонесе [Виноградов, 2010, с. 221–224].

«озабоченные только получением денежного содержания (вознаграждения) (provisiones pecuniarias), сообщают (пересказывают) различные сведения императору татар или господину Теодоро либо его братьям (perceperunt ab ipso imperatore Tartarorum seu domino Tedori vel fratribus ejus), <...> что может привести к большому ущербу и [даже] гибели этого города (grave damnum et perniciem illius civitatis)» [Codice diplomato..., 1874, p. 868].

Чтобы найти ответ на поставленный выше вопрос, необходимо обратиться к рассмотрению ещё одного важнейшего аспекта внешнеполитической деятельности Исаака: заключению династических браков с правителями христианских государств Восточной Европы [Vasiliev, 1936, p. 239, n. 5]. В этом направлении владельцу Феодоро удалось полностью реализовать один проект – брак его сестры (?) Марии с господарем Молдавского княжества, Стефаном III (1429–1504). В то же время второй – сватовство сына Великого князя¹³⁶ Московского Ивана III (1440–1505) к дочери Исаака – оказался незавершённым из-за захвата турками Феодоро [Малицкий, 1933, с. 43; Vasiliev, 1936, p. 242–244].

Мария Палеологина Асанина прибыла в Сучаву ко двору Стефана III 4 сентября 1472 г., а уже 14 сентября в торжественной обстановке была отпразднована свадьба [Panaitescu, 1959, p. 17]. Этому событию современниками придавалось большое политическое значение, что нашло отражение в молдавских и польских летописях [Banescu, 1935, S. 22]. Данный брак (второй для господаря Молдавии) со стороны Стефана имел откровенно политическое значение, потому что давал ему право, как полагали некоторые исследователи, претендовать на византийский престол в том случае, если государствам антитурецкой лиги удастся захватить Константинополь [Tafrali, 1925, p. 54].

Нам неизвестна точная дата начала переговоров между Стефаном и Исааком о заключении брачного союза. По всей видимости, это происходило в предшествующие (1469–1471) годы. Удовлетворение столь амбициозных политических намерений путём установления династических связей требовало и значительных материальных затрат, связанных с выплатой приданого невесты.

Некоторые исследователи считали, что с начала 70-х гг. XV в. Исаак выплачивал дань османам [Vasiliiu, 1929, p. 332–333; Nasturel, 1965, p. 261, etc.]. Однако до настоящего времени остаётся неизвестным (свидетельствующие об этом документы до настоящего времени не найдены), какие отношения сложились у Феодоро с османами и направлял ли Исаак посольство к Мехмеду II, как это ему советовали протекторы Банка Св. Георгия.

Симпатии владельцев Феодоро, связанных родственными узами с Великими Комнинами, Палеологами, Асенами, молдавским господарем, явно были на стороне антиосманской лиги. Несмотря на внешнюю дипломатическую лояльность, активизацию торговли с турецкими купцами и традиционно хорошие отношения с Крымскими ханами Гиреями, в критических ситуациях антитурецкая позиция феодоритов прослеживалась довольно чётко, хотя с приходом к власти в 1465 г. Исаака она получила своеобразную конформистскую окраску. Это сильно раздражало Стефана III и привело в 1474 г. (?) к разрыву отношений между господарем Молдавии и правителем Феодоро, якобы ставшем «другом турок» [Iorga, 1927, p. 42].

В. Василиу полагала, что Исаак, как и генуэзцы Каффы, платил дань Мехмеду II и не намеревался менять свою позицию [Vasiliiu, 1929, p. 332–333]. Это побудило господаря Молдавии предпринять дипломатические шаги, направленные против Исаака. Об этом свидетельствует письмо от 10 февраля 1475 г., направленное в Геную провизором и

¹³⁶ Имеется в виду сын Ивана III – Иван Молодой (1458–1490), которому на тот момент исполнилось 16 лет. Своему послу Никите Беклешеву, отправлявшемуся в 1473 г. в Крым, Иван III даёт поручение встретиться с князем Феодоро Исааком и обсудить с ним вопрос о браке дочери Исаака с его сыном Иваном [Карамзин, 2002, с. 476].

массарием Каффы Оберто Скварчафико. В нём говорится, что несколько дней назад в город прибыли послы от «господина воеводы». Стефан III выражал готовность «заключить с нами мир» (*componendam pacem nobiscum*) и возместить ущерб, нанесённый генуэзцам ранее, оцениваемый в 1 300 венецианских дукатов [*Codice diplomato...*, 1874, p. 779; Basso, 1998, p. 93–94; Assini, 1999, p. 17–18]. Но главным условием, выдвинутым Стефаном, было заключение союза, «направленного против «турецкого царя (*regis teurcorum*) и господина Саика, господина Теодоро и Готии» (*domini Saici, domini Theodoro et Gottie*) [*Codice diplomato...*, 1874, p. 195; Малицкий, 1933, с. 43]. Официалы Каффы вежливо отклонили предложение Стефана III, стремясь сохранить добрососедские отношения с правителем Феодоро Исааком, не подвергая лигурийскую факторию угрозе со стороны Мехмеда II.

Рассматривая причины разрыва отношений Стефана III с Исааком, следует обратиться к событию, получившему международный резонанс. В июне 1474 г. Хайдер (один из братьев хана Менгли Гирея) совершил набег, в результате которого была разграблена часть Подолии и «Верхней Валахии» в междуречье Прута и Серета. В плен татары увели 15–18 тыс. чел. После того, как полон доставили в Крым, генуэзцы обратились с просьбой к Менгли-Гирею не продавать пленных мальчиков туркам, чтобы тех не обратили в мусульманство. Полученный ответ хана был наполнен любезностями. Но консул Каффы Антонио ди Кабелла высказал опасение, что «добрая часть этих юношей уже распродана, потому что некоторые турки, приехав продавать товары, уступили их дешевле, дабы собрать побольше денег и купить рабов. Они посадили их на суда в порту Каламита и соляных озёрах Каркенита, так что – печальное обстоятельство! – мы не могли им помешать. Ведь продавцы и покупатели неверные и делают, что хотят» [Колли, 1918, с. 150].

В источниках, освещающих эти события, Исаак не упоминается. Однако сам факт массовой распродажи пленённых христиан через принадлежавший ему порт Каламиты может указывать на косвенное участие Исаака в данных событиях: в качестве пошлин от продажи рабов он получил солидную прибыль.

В. Василиу считала, что разрыв дипломатических отношений между Стефаном III и Исааком произошёл в конце 1474 г. после прибытия в Молдавию Александра, родного брата жены господаря – Марии (1472–1477) [Vasilu, 1929, p. 333]. На самом деле точное время приезда ко двору Стефана III Александра из Феодоро неизвестно¹³⁷. Однако сам факт приезда (бегства из Феодоро?) Александра к Стефану III позволяет предполагать возникновение между братьями серьёзного конфликта [Бертъе-Делагард, 1918, с. 36].

1475 г. стал последней страницей в истории княжества Феодоро. Несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, финальный этап существования этого государства представляет множество неразрешённых вопросов. В историографии имеется четыре версии развития трагических событий, связанных с судьбой Исаака и его брата Александра.

Н. Йорга полагал, что Исаак, следуя совету генуэзцев, выплачивал дань султану Мехмеду II и стал «другом турок» [Iorga, 1927, p. 142]. По его мнению, политика соглашательства и примирения как с генуэзцами, так и турками привела к разрыву дружественных отношений между господарем Молдавии и правителем Феодоро. Поэтому Стефан III способствовал возвращению своего шурина Александра в Готию, куда тот прибыл перед появлением в Крыму османов, где убил Исаака и занял отцовский престол [Iorga, 1927, p. 142].

¹³⁷ Можно предполагать, это событие произошло в промежутке между сентябрём 1472 г. и декабрём 1474 г. [Мыц, 1991, p. 192].

Сходной, но далеко не бесспорной концепции придерживается Л.Е. Семёнова: «Османская угроза нависла над Мангупским княжеством. Его правитель Исаак перешёл на сторону турок. Штефан попытался повлиять на ход событий в Мангупе. Исаак был убит братом Александром, настроенным против султана» [Семенова, 2006, с. 87].

В. Василиу считала, что Стефан III, недовольный занятой Исааком протурецкой позицией, сразу же после победы над османами под Васлуем (10 января 1475 г.) отправил Александра в Каламиту на корабле, на котором находился и вспомогательный отряд из 300 «валахов». Но, в отличие от Н. Йорги, она оставила открытым вопрос о том, был ли действительно Исаак убит своим братом Александром [Vasilu, 1929, p. 333].

П. Нэстурел, в основном опираясь на мнения Н. Йорги и В. Василиу, писал: «Покорность Исаака из Мангупа туркам, которым он выплачивал дань, как и угроза Каффе (Феодосии), Четате-Альбе (Белой крепости, Ак-Керману, Монкастро – *В.М.*) и Килии со стороны Мехмеда II вынудили молдавского правителя устранить своего трусливого шурина. С этой целью Штефан предоставил другому своему шурина, Александру, отряд из трёхсот молдавских воинов, с помощью которых Исаак был свергнут и убит в 1475 году» [Nasturel, 1965, p. 261].

А.А. Васильев иначе восстанавливал хронологию и причинно-следственную связь политических событий 1474–1475 гг. По его мнению, Александр до момента отправки в Феодоро находился вместе со своей сестрой Марией в Монкастро, где «сел на какое-то итальянское судно и прибыл в Готию <...> Через три дня после высадки в Крыму он лишил власти и убил своего родного брата Исаака и овладел Мангупом <...> Насильственная смерть Исаака и захват Готии Александром произошли незадолго до падения Каффы <...>, т. е. ранней весной этого года» [Vasiliev, 1936, p. 244–245]. Он также высказал предположение, что Стефан, пользуясь браком с Марией, «стремился распространить своё влияние на Готию и, возможно, даже полностью овладеть Крымским княжеством» [Vasiliev, 1936, p. 244].

А.Г. Герцен, опираясь на письменные источники, собранные А.А. Васильевым [Vasiliev, 1936, p. 249–266], предложил свою версию происходивших в Феодоро событий. После внезапной смерти Исаака, наступившей, по-видимому, весной 1475 г., престол занял правитель, возможно, племянник покойного князя. В конце мая или начале июня (т. е. ещё до появления турок в Крыму) этот неизвестный по имени правитель был свергнут младшим братом Исаака Александром, которому оказал помощь Стефан, предоставив корабль и 300 воинов-валахов [Герцен, 2001, с. 382].

Нетрудно заметить, что скудость и противоречивость содержащейся в письменных источниках информации, в значительной степени зависящей от нюансов перевода и последующей интерпретации, позволяет воссоздать только предположительную схему хронологии событий и определить их участников.

Имеющийся комплекс опубликованных источников позволяет гипотетически реконструировать события 1475 г., связанные с судьбами Исаака и Александра [Мыц, 2009, с. 412–413]. В начале июня Александр, зная о скором нападении турок на Каффу¹³⁸, сев в Монкастро на корабль, принадлежавший генуэзцу Филиппо, отправился в Готию. Но высадился он не в Каламите, а в бухте Ласпи (Jasrum, Laspum – генуэзских источников) [Бертье-Делагард, 1918, с. 37], что способствовало его скрытному проникновению на территорию Готии. Через три дня после прибытия Александр овладел «отцовским наследием» [Колли, 1911, с. 11–12; Vasiliev, 1936, p. 244, № 2]. Та лёгкость и быстрота,

¹³⁸ Мехмед II после поражения под Васлуем начал подготовку к новой войне с Молдавией, чтобы восстановить престиж своей армии. Перед этим он решил ликвидировать два христианских очага независимости в Северном Причерноморье, оставшиеся в Крыму, – генуэзские владения Банка Св. Георгия и Феодоро. Захват прибрежной части полуострова также должен был сделать более послушным хана Менгли-Гирея и его беков, коннице которых отводилась особая роль в будущей кампании.

с которой Александр достиг Феодоро и занял престол, могут быть объяснены тем, что он пользовался значительной поддержкой среди антитурецки настроенной части населения как в самой столице, так и в Готии.

Насильственное свержение с престола и убийство (?) в 1475 г. законного правителя, каким являлся Исаак, дало туркам повод для вмешательства в династическую борьбу за власть в Феодоро. Поэтому не исключено, что появление в Готии Александра, если он даже не был причастен к смерти Исаака, спровоцировало во 2-й пол. июня 1475 г. активные военные действия со стороны Гедык-Ахмет-паши. По этому поводу венецианцем Теодоро Спандуджино (1453–1538 гг. (?)) в сочинении «О происхождении оттоманских императоров...» сделано краткое замечание: «Мехмед, узнав, что владетель из Готии лишил жизни своего старшего брата и установил в том месте [власть], послал своего бейлербея (на самом деле – великого везира – *В.М.*), который осадил принца» [Vasiliev, 1936, p. 252, № 4]¹³⁹.

С установлением родственных уз с господарем Молдавии Стефаном III, по видимому, можно связывать появление в Феодоро ещё одного важного персонажа – Влада. Данному сведению, длительное время остававшемуся вне внимания исследователей средневековой Таврики [Кирилко, 1999, с. 138, прим. 2; Мыц, 2005, с. 107–108], мы обязаны находке надгробной плиты из г. Сучавы. Надгробие обнаружено в конце XIX в. в ходе раскопок некрополя рядом с руинами средневековой церкви. Эпитафию впервые опубликовал Е. Казак в обобщающей работе «Надписи из Буковины» [Kozak, 1903, S. 151]¹⁴⁰. Представив не совсем точный (с ошибками и пробелами) её перевод, издатель, как отмечал Н. Йорга, при «отсутствии у него знания истории Молдовы и еще больше мировой истории, не был в состоянии понять эту надпись, случайно объединив имена Влад, Исак и Теодор» [Iorga, 1938, p. 315]. Поэтому Н. Йорга в своей небольшой публикации «Расширение Молдовы к Востоку, предпринятое Стефаном Великим...» предложил не только перевод эпитафии, но и попытался определить её исторический контекст. Греческий текст надписи он восстанавливал следующим образом: [E] κημηθη ο [δ]ουλος τον Θεου Влат περ|ηκειος του μα|καριτου Ισα|κ αυθεντος | Θεοδωρον κε | τις Χαβαριας [ε]τους Σηπη. Перевод: «A dormit robul lui Dumnezeu Vlad, ingrijitorul casei raposatului Isac, domnul de Theodoro si al Cazariei, anul 6988 [1480]»¹⁴¹, т. е. «Здесь покоится раб Божий Влад, управляющий домом покойного Исаака, господина Феодоро и Хазарии, год 6988» (=1480) [Iorga, 1938, p. 315].

Н. Йорга на основании осуществлённого им перевода пришёл к заключению, что в надписи «...идет речь о Владе, мажордоме Исаака, княжества Феодоро или Тодоро, Мангуна, откуда была и жена Стефана Великого Мария Комнина Палеология» [Iorga, 1938, p. 315]. Йорга титул Влада определял как «ingrijitorul casei» – «управляющий домом», что идентично греческому «*δομειστικός*» – т. е. «дворник» в валахской и молдавской титулатуре [Iorga, 1938, p. 315].

В 60-е гг. к изучению надписи обратился П. Нэстурел. Он следующим образом восстанавливал текст эпитафии: «[†E]κημηθη ο || δουλος του θεου Влат περ||ηκειος του μ[α]καρη του Ισα||κ αυθεντος Θεοδωρον κε π||α[σ]ης Χαζαρια<σ> ε||τους σ<η>πη», предложив и

¹³⁹ Н. Йорга и А.А. Васильев были убеждены, что в данном источнике речь идёт именно об Александре и Исааке. Однако есть основания подозревать в заговоре против Исаака и его убийстве ещё одного родственника правителя Феодоро – Мануила. Его монограмма помещена рядом с монограммой Исаака на строительной надписи из Херсонеса.

¹⁴⁰ Надгробный памятник представлял собой красноватый песчаник (со следами воздействия огня), расколотый на четыре части. Хранится в музее Сучавы. В настоящее время расколот на пять частей. Высота эпитафии составляет 121 см, ширина – 49 см, толщина – 21 см. Надпись нанесена в 9 строк и в основном заглавными буквами. Покрывает всю лицевую поверхность. Ниже 9-й строки осталось свободное место для нанесения ещё одной. Обрамление надписи не выделяется и оформлено в виде насечек.

свой перевод: «Усоп раб Божий Влад, очень близкий (советник) счастливому (умершему) Исааку, владыке Тодоро и всей Хазарии. Год 6988» [Nasturel, 1965, p. 262–263].

В греческом тексте стоит не совсем понятное слово «περρηκεϊος». П. Нэстурел не нашёл ему точного эквивалента в греческих словарях и предложил своё понимание статуса Влада при Исааке «как человека, *приближённого к дому*, или, лучше сказать, *близкого*... Получается, что он был далеко не слугой Исаака из Мангупа, как думал Йорга, этот Влад был из круга его близких...». Поэтому исследователь пришёл к выводу, что «Влад не носил какого-то известного титула, скорее всего, он был близким советником Исаака Мангупского» [Nasturel, 1965, p. 263].

Занимаясь изучением эпитафии с именем Влада, П. Нэстурел обратил также внимание что хоть надпись и звучит по-гречески, но «в ней есть что-то славянское». Поэтому в моей работе 2009 г. предлагалось следующее восстановление и несколько иной перевод этой надписи: «Εκμηθη ο δουλος του Θεου Βλατ περρηκειος του μακαρι(α) του Ισα(α)κ αυθεντος Θεοδωρον κ(αι) (τ)ις Χαζαριας ετους σϋλη – т. е. «Почил раб Божий Влад, *перник* (?) во блаженной [памяти] Исаака, владетеля Феодоро и Хазарии, год 6988» [Мыщ, 2009, с. 404]. Греческое περρηκεϊος по своему звучанию напоминает славянское «перник» (т. е. «чашник», «виночерпий»), имеющее эквивалент в византийской титулатуре – епикерний (πιικερνης, pinserna = виночерпий)¹⁴². По-видимому, Влад занимал должность «перника» при дворе Исаака, а не «дворника» («мажордома», «управляющего домом»). В любом случае он являлся придворным лицом, близким к Исааку¹⁴³.

В данной надписи также обращает на себя внимание и титул Исаака, который перекликается с известным, но более ранним (1434 г.?) свидетельством номофилака Иоанна Евгеника, запечатлённом в «Эпитафии княжичу», где Алексей I Старший назван «несокрушимым столпом Хазарии» (τόν άκραθαντον τής Χαζαρίας) и «правителем Хазарии» (αύθεντης Χαζαρίας) [Спиридонов, 1928, с. 94].

Находка из Сучавы важна тем, что позволяет либо установить изменения, происходившие в официальном титуле правителей Феодоро на протяжении полстолетия, либо указывает на возможность их вариаций. Если Алексей I в своих посвященных надписях 1425 и 1427 гг. определял себя как «владелец Феодоро и Поморья», то Исаак в эпитафии Влада назван «владельцем Феодоро и Хазарии». На чём основывались подобные изменения, сказать трудно. Но совершенно очевидно, что нельзя ставить знак тождества между двумя историческими топонимами «Поморье» и «Хазария».

Выводы

В заключение следует отметить, что за скупыми строками письменных источников вырисовывается яркая, неординарная личность князя Исаака. Став правителем Феодоро в 1465 г., он ясно осознавал (особенно после захвата в 1461 г. турками Трапезунда) нависшую над государствами Причерноморья угрозу османского завоевания. Поэтому Исаак не только идёт на сближение с гегемонской Кафрой, но и признаёт над собой сюзеренитет Мехмеда II, начав, по-видимому, выплачивать султану дань. Однако династический союз с господаром Молдавского княжества сыграл роковую роль в его

¹⁴³ До настоящего времени о персоне Влада узнаём только из его эпитафии. Судя по занимаемой им при Исааке (1465–1475) должности «виночерпия» (?), он являлся весьма важной фигурой в Феодоро, потому что «перником» мог стать только состоятельный, знатный, влиятельный, а главное, надёжный человек. Однако ограниченность имеющейся информации не позволяет ответить на ряд вопросов: когда Влад из Сучавы прибыл ко двору Исаака и когда реально оставил свою должность, а также какова его роль (участие) в драматических событиях 1475 г. Вполне вероятно, что Влад покинул Мангуп сразу же после смерти Исаака (май – начало июня 1475 г., до осады города Гедык-Ахмед-пашой). Поэтому для своих сограждан он был известен как «перник (виночерпий?) – лицо, приближённое к покойному Исааку, владельцу Феодоро и Хазарии.

судьбе, т. к. Стефан III занимал жёсткую антиосманскую позицию и требовал того же от Исаака.

Дополнительным важным штрихом к историческому портрету князя Исаака является его принадлежность к православному Братству Святого Гроба Господня. На это указывает наличие в основании монограмм Исаака и монограммы из двух литер – «Г» и «Ф»¹⁴⁴. Именно в таком сочетании данная монограмма хорошо известна на христианских памятниках Святой Земли, начиная с храма Гроба Господня, и раскрывается как «Тафос» (Таφος [Θεου]), что означает «Гроб [Господень]» или Агиос Тафос (ο Ἅγιος Ταφος [Θεου]) – «Святой Гроб [Господень]» [Пятницкий, 1998, с. 114, 130, 131, № 165].

Кроме того, если предполагаемая родственная связь (брат – сестра) Исаака и Марии (второй жены Стефана III – 1472–1477 гг.) устанавливаются исследователями правильно, то и Исаак (внук Алексея I) являлся Асаном Палеологом. В таком случае его полный титул мог выглядеть следующим образом: «Исаак Асан Палеолог, владетель Феодоро и Хазарии (или Поморья), член Братства Святого Гроба Господнего». В связи с этим становится более понятным привлечение установления родственных уз с правителем Феодоро Стефана III, а также попытка бракосочетания сына Ивана III с дочерью самого Исаака.

Список литературы

1. Герцен А.Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь: 88–165.
2. Герцен А.Г. 2001. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма. Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь: 366–387.
3. Баллетто Л., Бассо Э. 2018. Акты, составленные в Каффе нотариусом Джованни в 1410–1412 гг. Причерноморье в средние века. Вып. X. Под ред. С.П. Карпова, сост. М.Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. М.; СПб., Алетейя: 347–466.
4. Бертъе-Делагард А.Л. 1918. Каламита и Феодоро. Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 55, 1–44.
5. Вальков Д.В. 2010. «Non absque cordis amaritudine...»: казус в генуэзско-турецких отношениях первой половины XV века. Вопросы эпиграфики. Вып. 4 [Сб. ст.]. Отв. ред. А.Г. Авдеев. М., Русский фонд содействия Образованию и Науке: 259–274.
6. Виноградов А.Ю. 2004. Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи. В: Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., Филологический факультет СПбГУ: 123–130.
7. Виноградов А.Ю. 2005. «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? Сугдейский сборник. Вып. II. Киев – Судак, 431–437.
8. Виноградов А.Ю., Мыц В.Л. 2005. Фунская надпись 1459 г. Античная древность и средние века. Вып. 36. Екатеринбург: 273–281.
9. Виноградов А.Ю. 2010. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda. Вопросы эпиграфики. Вып. IV: 217–253.
10. Виноградов А.Ю. 2017. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа. Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. XXII: 278–297.
11. Виноградов А.Ю. 2018. «Геральдические» надписи византийского Крыма. Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа: 223–232.
12. Виноградов А.Ю. 2019. Toponimica Pontica. I. Каламита. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ. XI Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава,

¹⁴⁴ Сочетание монограммы «Тафос» (ТФ) с монограммой самого Исаака (ΙΣΑΑΚ) и изображением двуглавого орла встречено пока единожды на надписи из крепости Фуна, которая датирована 19 июля 1459 г. [Мыц, 2009, с. 394–401, рис. 263–264].

3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции. Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: 75–78.

13. Иречек К. 1978. История на Българети (с поправки и добавки от самия автор). Под ред. на проф. П. Хр. Петров. София, Изд-во Наука и Изкуство, 671.

14. Карамзин Н.М. 2002. История государства Российского. М., Изд-во Эксмо, 1024.

15. Кирилко В.П. 1999. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации. *Время денег. Stratum-plus*. № 6. СПб. – Кишинев – Одесса: 137–141.

16. Колли Л.П. 1911. Исторические документы о падении Каффы. *Известия Таврической учёной архивной комиссии*. № 45: 125–139.

17. Колли Л.П. 1918. Падение Каффы. *Известия Таврической учёной архивной комиссии*. № 55: 145–174.

18. Малицкий Н.В. 1933. Заметки по эпиграфике Мангупа. *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. Вып. 71. Л.: 3–45.

19. Мыц В.Л. 1988. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев, Наукова думка: 97–115.

20. Мыц В.Л. 2005. Крымский контекст восточной политики Стефана Великого в 70-х гг. XV в. *Stratum plus*. № 6. 2003–2004. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест: 96–130.

21. Мыц В.Л. 2009. Каффа и Феодоро в XV веке: Контакты и конфликты. Симферополь, Универсум, 528.

22. Пятницкий Ю.А. 1998. Мелькитские иконы в собрании Эрмитажа. Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа: 114–131.

23. Семёнова Л.Е. 2006. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX вв. (Очерки внешнеполитической истории). М., Индрик, 400.

24. Спиридонов Д.С. 1928. Заметки из истории эллинизма в Крыму. I. Из семейной истории Мангупского дома. *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*. Вып. II (53). Симферополь: 93–102.

25. Челеби Э. 2017. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века. Издание 3-е исправленное. Симферополь, ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского, 312.

26. Assini A. 1999. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero. *Romania Orientale*, 12: 1–19.

27. Banescu N. 1935. Contribution a l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangupen Crimee. *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 35: 20–37.

28. Batariuĉ P.-V. 1993. Necropola medievala de la Sucedava-Campul Santurilor. *Arheologia Moldovei*. XVI. Bucureşti: 229–249.

29. Codice diplomato delle colonie Tauro – Liguri durante la signoria dell' Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV). 1874. Tomo II. Parte I. Atti. Vol. VII. Parte I Fasc. III. Ordinato et illustrato dal socio P. Amedeo Vigna. Genova, Tipografia del r. I. De'sordo-muti: 567–886.

30. Ganchou Th., Minghinias A. 2003. Un nouveau document a propos d'Alexios de Theodoro-Mangup. *Inchinare lui Petre S. Nasturel la 80 de ani*. Braila: 117–118.

31. Iorga N. 1897. Acte si fragmente cu privire la istiria Romanilor. Vol. VII. Bucuresti, 40–50.

32. Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Cheiliei și Celății Albe. Bucureşti: 142–146.

33. Iorga N. 1938. Intenderea sprera sarit a Moldovei lui Stefan-Ĉel Mare (cu prilejul unei inscriptii). *Academia Romania. Mem. sect. ist. Seria III. T. XX*. Bucuresti: 315–319.

34. Jorga N. 1927. Les aventures «Sarazines» des Francais de Bourgogne au XVe siècle. *Melanges d'histoire generale. Cloj*. Vol. I: 10–56.

35. Kozak E. 1903. Inschriften aus der Bukowina. 1. Viena, Verlag, 214.

36. Năsturel P.Ș. 1965. Dui legaturile dintre Moldova și Crimeea în secolul al XV-lea. Pe marginea unei inscriptii grecești. Omagiu lui P. Constantinescu-Jasi cu prilejul împlinirii cu a 70 de ani. Editura Academie Republicii Populare Romane. Bucureşti: 261–266.

37. Panaitescu P.P. 1959. Cronocile slavo-romine don sec. XV–XVI publicate de Ion Bogdan. Bucureşti, 256.

38. Tafrali O. 1925. Le tresor byzantin et roumain du monastere de Poutna. V. Draps mortuaires XVe siecle (90). Paris: 51–65.

39. Vasiliev A.A. 1936. The Goths in the Crimea. Monographs of the Mediaeval Academy of America. № 11. Cambridge, Massachusetts, 293.

40. Vasiliu V. 1929. Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée au XV-e siècle à l'occasion d'un nouveau document. Melanges de l'École Roumaine en France. Première partie. Paris: 229–336.

References

1. Gerzen A.G. 1990. Krepostnoj ansambl Mangupa [Fortress ensemble of Mangup]. MAIET. Vyp. I. Simferopol: 88–165 (in Russian).

2. Gerzen A.G. 2001. Po povodu novoj publikazii turezkogo istochnika o zavoevanii Kryma [Regarding the new publication of a Turkish source on the conquest of Crimea]. MAIET. Vyp. VIII. Simferopol: 366–387 (in Russian).

3. Baletto L., Basso E. 2018. Acty, sostavlennye v Kaffe notariem Djovanni v 1410–1412 gg. [Acts drawn up in Kaffa by the notary Giovanni in 1410–1412]. Prichernomorie v srednie veka [Black Sea region in the Middle Ages]. Vyp. X. Pod. red. S.P. Karpova, sost. M.G. Alvaro, A. Assini, L. Baletto, E. Basso. M.; SPb., Aletejia: 347–466 (in Russian).

4. Bertie-Delagard A.L. 1918. Kalamita i Feodoro [Kalamita and Theodoro]. ITUAK. № 55, 1–44 (in Russian).

5. Valkov D.V. 2010. «Non absque cordis amaritudene...»: kazus v geuezsko-turezkikh otnoshenijah pervoji polovinu XV veka. Voprosu epigrafiki. Vup. 4 [Sb. st.]. Otv. red. A.G. Avdeev. M., Russkij fond sodejstvuj Obrszovaniy I nauke: 259–274 (in Russian).

6. Vinogradov A.Ju. 2004. Svod gresheskih nadpisej Eski-Kermen i ego bligajisheji okrug. In: Haritonov S.V. Drevnij gorod Eski-Kermen. Arheologia, istoriji, gipotezu. SPb., Filologisheskij fakultet SPbGU: 123–130 (in Russian).

7. Vinogradov A.Ju. 2005. «Razrijd» i «Chast». Kak nam obustroit Feodoro? Sugdejiskij sbornik. Vyp. II. Kiev – Sudak: 431–437 (in Russian).

8. Vinogradov A.Ju., Mytz V.L. 2005. Funkskaji nadpis 1459 г. ADSV. Vup. 36. Ekaterinburg: 273–281 (in Russian).

9. Vinogradov A.Ju. 2010. Stroitelnye nadpisi vizantijskogo Kruma. Addenda et corrigenda. Voprosu epigrafiki. Vyp. IV: 217–253 (in Russian).

10. Vinogradov A.Ju. 2017. Osnovnye problemu i voprosu izuchenij vizantijskoj epigrafiki Mangupa. MAIET. Vyp. XXII: 278–297 (in Russian).

11. Vinogradov A.Ju. 2018. «Geraldicheskie » nadpisi vizantijskogo Kruma. TGH: [T.] 94: Materialu I issledovaniy Otdela numizmatiki: Po materialam konferenzii «Sfragistika, numizmatika, geraldika srednevekovogo Kruma». SPb., Izd-vo Gos. Ermitagja: 223–232 (in Russian).

12. Vinogradov A.Ju. Toponimica Pontica. I. Kalamita. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiji i Polis. XI Megjdunarodnuji Vizantijskij Seminar (Sevastopol – Balaklava, 3–7 iunij 2019 g.). Materialu nauchnoj konferencii. Red. N.A. Alekseenko. Simferopol: 75–78 (in Russian).

13. Irechek K. 1978. Istorij na Bugareti (s popravki i dobavki ot samij avtor). Pod red. na prof. P. Hr. Petrov. Sofija, Izd-vo Nauka i Izkusstvo, 671 (in Bulgarian).

14. Karamzin N.M. 2002. Istorija gosudarstva Rossijskogo. M., Izd-vo Eksmo, 1024 (in Russian).

15. Kirilko V.P. 1999. Aspru s bolshum «T» na lizevoj storone: oput interpretazii. Vremja deneg. Stratum-plus. SPb. – Kishenijv – Odessa. № 6: 137–141 (in Russian).

16. Kolli L.P. 1911. Istoricheskie dokumentu o pagenii Kaffy. ITUAK. № 45: 125–139 (in Russian).

17. Kolli L.P. 1918. Padenie Kaffy. ITUAK. № 55: 145–174 (in Russian).

18. Malizkij N.V. 1933. Zametki po epigrafike Mangupa. IGAIMK. L. Vyp. 71: 3–45 (in Russian).

19. Mytz V.L. 1988. Nekotorue inogi izuchenij srednevekovoj kreposti Funa. Arhitekturno-arheologisheskie issledovaniy v Krumu. Kiev, Naukova dumka: 97–115 (in Russian).

20. Mutz V.L. 2005. Krumskij kontekst vostochnoj politiki Stefana Velikogo v 70-h gg. XV v. Stratum plus. № 6. 2003–2004. SPb. – Kishinev – Odessa – Buharest: 96–130 (in Russian).

21. Mutz V.L. 2009. Kaffa I Feodoro v XV veke: Kontakty I konflikty. Simferopol, Universum 528 (in Russian).

22. Piatnizkij J.A. 1998. Melkitskie ikony v sobranii Ermitazha. Ermitazhnye chtenija pamjati V.F. Levinsona-Lessinga. SPb., Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha: 114–131 (in Russian).
23. Semjionova L.E. 2006. Knjazhestva Valahii i Moldavii. Konez XIV – nachalo XIX v. Oчерki vneshnepoliticheskoj istorii). M., Indrik, 400 (in Russian).
24. Spiridonov D.S. 1928. Zametki iz istorii ellinstva v Krumu. I. Iz semejnoj istorii Mangupskogo doma. ITOIAE. Вып. II (53). Simferopol: 93–102 (in Russian).
25. Chelebi E. 2017. Kniga puteshestvij. Krum i sopredelnue oblasti: izvlechenie iz sochinenij turezkogo puteshestvennika XVII veka. Izdanie 3-e ispravlennoe. Simferopol, GAU RK «Mediazentr im. I. Gasprinskogo, 312 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor L. Mytz, candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Sector of Architectural Archeology of the State Hermitage, St. Petersburg, Russia